

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ. ВЫП. 1. СБОРНИК ТРУДОВ.
СОСТАВИТЕЛЬ Н. И. ПРОКОФЬЕВ. МГПИ им. В. И. ЛЕНИНА, 1975**

Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина выпустил в свет сборник трудов кафедры русской литературы под названием «Литература Древней Руси». В него вошли некоторые доклады и сообщения, прочитанные в мае 1973 г. в МГПИ на семинаре преподавателей древнерусской литературы педагогических институтов РСФСР.

Семинар был посвящен подведению итогов разработки некоторых проблем изучения древнерусской литературы и обмену опытом преподавания этого курса. Подобные встречи предполагается проводить регулярно, не реже одного раза в два-три года (следующий такой семинар уже состоялся в конце мая 1975 г.), а доклады и выступления будут публиковаться в сборниках «Литература Древней Руси». Данный сборник является первым выпуском будущей серии. Его цель — способствовать повышению уровня научно-педагогической работы по древнерусской литературе в вузах РСФСР.

Рецензируемый сборник открывается статьей Н. И. Прокофьева «О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI—XVI вв.» (с. 5—39). Она носит новаторский характер и исключительно интересна. Автор вслед за Ф. И. Буславевым, М. И. Сухомлиновым, А. Н. Веселовским обращает внимание на необходимость изучения основ мировоззрения древнерусского книжника. По мнению автора, особенность общественного сознания средних веков состоит в раздвоенности представления о мире — с одной стороны, «реально-исторического», с другой — «религиозно-мифологического, сверхприродного и сверхисторического, населенного противостоящими и противоборствующими силами: добрыми и злыми» (с. 6—7).

Н. И. Прокофьев обращает внимание на символический характер образов древнерусской литературы и искусства и, в отличие от Ю. Н. Дмитриева, указывает на необходимость разработки теории символа. Символикой пронизано все средневековое искусство, и в ее раскрытии — ключ к пониманию древнерусской литературы. И до тех пор, пока этот вопрос не будет решенным, древняя литература останется не до конца понятой, а попытки ее истолкования с учетом наличия в ней элементов реалистичности и беллетристичности будут малоэффективными¹. «Если, по выводам Д. С. Лихачева, элементы реалистичности появлялись в литературе и вновь исчезали, не составляя своей стилистической системы, не формируясь в какой-нибудь творческий метод, то можно утверждать, что религиозно-символическое мировоззрение определяет собой своеобразие творческого метода Древней Руси, в рамки которого укладываются и элементы реалистичности» (с. 10—11'). С этим следует согласиться. Нет сомнения, что выводы И. П. Еремина о существовании двух основных способов изображения жизни в древнерусской литературе — «делового» и «преображенного»² — верно отражают не только особенности древнерусской культуры, но и теорию познания Древней Руси, открывают простор для сложной и многообразной интерпретации средневекового восприятия мира «телесными и духовными очима».

Любопытными наблюдениями Н. И. Прокофьев делится и в области истории эстетики Древней Руси и издает малоизвестный трактат «От Евангелия о красоте». Спорными представляются суждения московского ученого о наличии в Древней Руси трех жанровых систем: фольклорной, богослужебной, светской (с. 26). Прежде всего вызывает сомнение правомерность выделения «богослужебной» литературы. Ведь церковные и светские элементы были тесно переплетены, а литературные жанры по своим функциям были связаны с практикой церкви и деятельностью феодального государства. Апостол и Евангелие — богослужебные книги — были одновременно и литературными сборниками легендарных сказаний о Христе и его учениках. А Псалтырь, широко исползовавшаяся в церковной службе, — это эталон поэзии высокого религиозного чувства. Житие, слово, поучение, безусловно относимые Н. И. Прокофьевым к светской литературе, читались в церкви после литургии. А наличие элементов драматургии в богослужении не ведет ни к обновлению «литературных форм», ни к образованию драматургии как рода литературы.

Теория этикета Д. С. Лихачева, представляющая собою частный случай топика (см. наше замечание в сборнике «Славянские литературы»). VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 396—397), не объясняет, как произошли древнерусские «литературные формы» и жанры. Что же касается фольклорных жанров, то они принадлежат исключительно фольклору, а не ли-

тературе, и потому не могут рассматриваться как жанры древнерусской литературы. Другое дело, что они влияли на литературные жанры, но характер, объем и существо этого влияния еще не выяснены полностью. Значительную ценность представляют наблюдения московского ученого о существе следующих жанров: повесть, сказание, житие, притча, хождение, видение, плач, послание и поучение, «лиро-эпическая песнь». К последней он относит два знаменитых «Слова» — «о полку Игореве» и «о гибели Руския земли», а также «Задонщину» (см. с. 32 и далее). Однако за пределами данной классификации остались такие жанры, как слово, беседа, похвала, чудо, знамение, легенда, летописная и хронографическая статья, гимн или канон, молитва, духовный стих, рашеник. По мнению Н. И. Прокофьева, в древнерусской литературе господствовали два рода — «лирическое рассуждение» и «эпическое повествование» (с. 37). Это вероятно. Еще известный датский славист А. Стендер-Петерсен замечал, что древнерусская литература выросла на основе двухродовой византийской литературы: 1) максимально инструментированного лирического рода (гимнография, духовный стих, рашеник, вирши) и 2) минимально инструментированного повествовательного жанра (хронография, анналистика, агиография, повесть)³.

Одним словом, очень содержательная статья Н. И. Прокофьева заставит еще серьезно задуматься над кардинальными проблемами истории и теории древнерусской литературы.

В. А. Колобанов в статье «Житийная литература древнего Суздаля» (с. 40—60) рассматривает жизнь и творчество инока Спасо-Евфимиева монастыря Григория, перу которого принадлежат четыре местных жития святых — Евфросинии, Евфимия, Иоанна, Козьмы Яхоремского, четыре канона, а также «Похвальное слово новым русским чудотворцам». Автор обстоятельно собрал все факты о данном писателе, все списки его произведений и проделал большую текстологическую работу. В результате на большом материале им заново поставлен вопрос о своеобразии суздальской агиографии XVI в. и ее вкладе в развитие жанра. В. А. Колобанов рассмотрел житийные формулы и трафареты и проследил их идейно-художественную функцию в произведениях Григория. Результаты исследования сведены в специальную таблицу (с. 56—59).

Н. В. Мощинская освещает Историю печатных и рукописных текстов «Хождения» на Ферраро-флорентийский собор Неизвестного Суздальца» (с. 61—70). «Хождение» интересно тем, что в нем рассказывается о первом путешествии русских послов в Западную Европу. Всего было найдено 17 списков «Хождения», которые подразделяются ею на три группы⁴. Наблюдение над текстами показывает, что «Хождение» сохранилось в одной редакции, подвергшейся малозаметной обработке. Автор анализирует качество издания текста у Н. И. Новикова и И. Сахарова и устанавливает, что последний дополнял текст «Хождения» по другим источникам, особенно по «Повести о осьмом соборе» Симеона Суздальца.

Н. М. Уварова выступила со статьей «Редакция «Жития Дионисия» (К проблеме изучения литературной истории сочинений Симона Азарина)» (с. 71—89). Работа посвящена малоисследованному произведению русской агиографии XVII в. Автор привлекла 18 списков «Жития» и подробно охарактеризовала этапы истории этого произведения. Это солидная основа для будущего критического издания и монографического исследования «Жития» троицкого архимандрита Дионисия Зобнинского.

Предметом статьи В. П. Федоровой явились «Калязинская челобитная» и народные песни (с. 92—96). Автор нашла в рукописном песеннике XVIII в. песню-пародию на церковное восьмигласное пение, которая имела целью еще более резко, чем произведение русской демократической сатиры XVII в., развенчать церковные службы как нелепые обряды. Путем сравнения двух текстов В. П. Федорова устанавливает первичность фольклорного текста и датирует его первой половиной XVII в.

Ю. Н. Сидорова в статье «Россияда» М. М. Хераскова и «Казанская история» (К вопросу об источниках поэмы)» (с. 97—104) уделяет внимание анализу источников первой в России законченной национально-героической эпопеи. Как выясняется, М. М. Херасков использовал один из рукописных списков памятника XVI в. «Казанской истории» и зимствовал из нее основную канву событий и факты; и даже «самое существование любовной темы в «Россияде» обязано своим происхождением «Казанской истории». Опираясь на традицию эпической поэмы в мировой литературе (Вергилий, Тассо, Вольтер), Херасков создал вполне оригинальное произведение, своими стилями уходящее в древнерусскую литературу» (с. 104).

С. Н. Травников посвятил свою статью анализу темы древнего Новгорода в произведениях А. Н. Радищева (с. 105—113). Он впервые точно устанавливает полный круг произведений великого писателя и мыслителя XVIII в., в которых отразилась данная тема. Автор внимательно анализирует исторические источники, послужившие основой для отдельных высказываний Радищева, который ввел новгородскую тему в русскую литературу, затем ее подхватили и развили декабристы, Пушкин, Лермонтов.

Н. А. Милонов поделился своими соображениями о роли краеведческих элементов в преподавании курса древнерусской литературы (с. 114—121). Так, например, тульские краеведы рекомендуют студентам обращаться к местной литературе и фольклору о Куликовской битве, когда они изучают «Задонщину» и «Сказание о Куликовской битве». Широко привлекаются и поэтические произведения на эту тему таких авторов, как Ломоносов, Рылеев, Озеров, Языков, Жуковский, Блок и др. Иногда круг изучаемых памятников расширяется путем привлечения местного материала («Послание дворянина

к дворянину» Ивана Фуникова). Преподаватели умело используют также матери: местных музеев и библиотек, в том числе рукописи, устраивают для студентов экс сии по древнерусским городам, иллюстрируют свои лекции показом диапозитивов и продукции произведений древнерусского искусства.

Н. А. Каргаполов подробно рассказывает о принципах преподавания древнер ской литературы. Он раскрывает свои научно-педагогические приемы и дает ценные комендации (с. 122—131).

Интересный обзор собрания древнерусских рукописных книг Государственного хива Горьковской области составила Л. А. Ольшанская по материалам картотеки с дентов МГПИ (с. 132—135). В числе рукописей упомянут неизвестный прежде пере с чешского языка конца XVIII в. «Введения в библиотеку Славянскую» Дуриха Ф. туната.

В конце сборника мы находим публикацию «Хождения» Агрефения (70-е го XIV в.) в Палестину по неизвестному ранее Рогожскому списку середины XV в. с р: ночтениями по Киевскому списку (с. 136—151). На необходимость издания и изуче этого произведения указал еще в 1929 г. А. Д. Седельников⁵.

Рецензируемый сборник завершается заметкой Л. А. АLEXИНОЙ «К вопросу об ист рико-литературном значении раннего перевода «Жизнеописания Эзопа» (с. 152—159) Предмет ее исследования — малоизвестный Мазуринский список конца XVII — нача XVIII в. «Дивного и потешного жития Эзопа». Работа содержит подробное описан сборника и текста, а также сравнение некоторых художественных деталей «Жит Эзопа» и «Повести о Петре и Февронии».

Итак, первый выпуск «Литературы Древней Руси» убедительно демонстриру растущее мастерство преподавателей, аспирантов и студентов вузов как исследоват проблем и памятников древнерусской литературы. Это их посильный вклад в изуче культуры прошлого нашей Родины. Выход в свет первого выпуска можно только пр ветствовать и от души пожелать, чтобы за первым сборником последовали и другие.

¹ До сих пор отсутствуют словари и справочники по символике древнерусской л тературы, например такие, какие имеются применительно к древнесербской литерату (ср.: Ђарђе Трифуновић. Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Бео град, 1974). Объяснения символизма Д. С. Лихачевым (как подмены метафоры симво лом) недостаточны, так как они, во-первых, рассматривают символизм как частное я ление вне мировоззрения и метода средневековых литератур, во-вторых, рассматривае символизм как застывшее явление, вне историзма, в-третьих не различают символ-ка ртину и символ-явление (см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2. Л., 1971, с. 175—184. Ср.: Mathew G. Byzantine Aesthetics London. 196: р. 38—47).

² Еремин И. П. О художественной специфике древнерусской литературы. — «Русская литература», 1958, № 1.

³ В отличие от Византии в Европе в средние века уже существовала четырехр довая литература: эпос, лирика, драма, роман. См.: Stender-Petersen A. Men peskes Kildringer i den oldrussiske literatur. — In: Det laerde selskab i Aarhus. A'rbog 2 Aarhus, 1960, p. 5—34.

⁴ В настоящее время выявлен 21 список «Хождения», и Н. А. Казакова подразде ляет их на 4 группы (см.: Казакова Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг (Списки и редакции). — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 73—94).

⁵ Sedel'nikov A. D. Le pèlerinage de l'archimandrite Grèfène: une copie nouvel le — «Revue des études slaves», t. IX. Paris, 1929, p. 39—47. Необходимо отметить, что жанр хождений сравнительно мало изучается в современной науке. Ценный вклад в его изучение вносят монографии Н. И. Прокофьева (Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. — В кн.: Литература Древней Руси и XVIII века. — Уч. зап. МГПИ им. Ленина, № 363. М., 1970, с. 3—264) и К. Д. Земана (Игумен Даниил. «Хождение». Abt Daniil Wallfahrtsbericht. Nachdruck der Ausgabe von Venevitinov 1883/85. Mit einer Einleitung und bibliographischen Hinweisen von K. D. Seemann. München, 1970).

⁶ Подробный анализ первого русского перевода Ф. К. Гозвинского басен и жизнеописания Эзопа см. в кн.: Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975.